

Rudenko, Alena

"Динамические процессы во фразеологической системе восточнославянских языков",
Маргарита Васильевна Жуйкова,
Луцк 2007

Etnolingwistyka 20, 412-415

2008

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

brze świadczą o kompetencji i wrażliwości autorki, a odwołania do obszernej literatury przedmiotu — o jej erudycji. Lekturę książki ułatwiają: przemyślana kompozycja, logiczny wy-

wód, liczne odesłania i nawiązania wewnętrzne oraz cząstkowe podsumowania, nie bez znaczenia jest również jej forma edytorsko-typograficzna.

Алена Руденко

Маргарита Васильевна Жуйкова, *Динамические процессы во фразеологической системе восточнославянских языков*, Луцк: Редакционно-издательский отдел «Вежа», Волинского державного университета, 2007. 415 с.

Монография Маргариты Васильевны Жуйковой *Динамические процессы во фразеологической системе восточнославянских языков* (на украинском языке) посвящена двум аспектам фразеологии: исследованию происхождения фразеологизмов и связям фразеологии и культурологии.

Во введении Маргарита Жуйкова впервые употребляет термин *этнофраземы* — «фразеологизмы, которые наиболее ярко отражают народный менталитет, материальную и духовную стороны жизни этноса, его традиции, верования, обряды» (с. 7; здесь и далее перевод наш — Е.Р.). Термин употребляется как общепринятый (хотя без ссылки), однако вызывает сомнения. Фразеология насыщена этнокультурной информацией, пожалуй, более, чем любая другая подсистема языка, и именно поэтому термин „этнофразема” представляется избыточным: любая фразема — этнофразема, и степень ее этнокультурной „насыщенности” на современном этапе разви-

тия лингвистики точно определена быть не может. Хотя автор, безусловно, имеет право употреблять термин с целью подчеркнуть этнокультурную насыщенность фразеологии.

Первая часть монографии *Когнитивные механизмы образования устойчивых выражений* (с. 13–125) посвящена процессам порождения идиом. Жуйкова анализирует традиции исследования происхождения фразеологизмов: процессы метафоризации, метонимизации и др., отмечая, что фразеомообразование отнюдь к этим процессам не сводится: „Механизмы идиомотворчества не сводятся только к метафоризации, вторичной фразеологизации и калькированию” (с. 17). В более ранних работах, пишет Маргарита Жуйкова, происхождение фразеологизмов определяли или через поиски прототипической ситуации (что порождало весьма фантастические версии, поскольку очевидно, что фраземы типа *свисть собаку*¹ не имеют прототипической ситуации), или через процессы калькирования. По мнению автора, помимо названных выше способов, «идиомы могут порождаться одновременно, сразу как семантически целостные, многокомпонентные языковые единицы со своим планом содержания» (с. 20).

На с. 44 и след. речь идет о способах верификации реконструкции истории идиомы. Автор отмечает, что это весьма нелегкая задача, поскольку фрагмент концептосферы, соответствующий идиоме, не лежит на поверхности, особенно если рассматривать его в динами-

¹Здесь и далее в рецензии использованы преимущественно общевосточнославянские примеры из работы, реже — русскоязычные; в других случаях это оговаривается особо.

ческом аспекте. В качестве решения проблемы Жуйкова предлагает ментальную модель каждого способа фразеологизации (метафоризация и др.) и верифицирует действие модели примерами из восточнославянских языков.

В отдельных разделах первой части монографии представлено большинство возможных путей фразеологизации на основе свободных сочетаний (раздел 1.2) и независимо от них (раздел 1.3). В рамках разделов разработано немало частных механизмов фразеологизации. Отмечается, например, что наличие структурного прототипа — свободного сочетания — может выступать таксономическим критерием идиом (с. 25). Дается также тонкое динамическое различие метафорического (*попасть на крючок*) и метонимического (*целовать крест*) фразеомообразования; это различие связано со степенью идиоматичности фразеологизмов.

Мотивационные типы идиом и когнитивные механизмы их порождения суммируются в разделе «Основные механизмы идиомообразования» (с. 123–125):

1. возникновение идиом на основе свободных сочетаний:

1.1. метафоризация (*вырвать с корнем*);

1.2. исходное словосочетание означает некоторую важную, знаковую ситуацию, а итоговая идиома получает значение, приписываемое этой ситуации в культурной традиции (*перейти дорогу*);

1.3. метонимизация (*целовать крест, забреть лоб*);

1.4. переосмысление свободного словосочетания вследствие кардинальной трансформации концептосферы, забывания архаичных мировоззренческих представлений (*душа в пятки ушла*);

1.5. ироничное переосмысление (укр. *влопити в обидві жмені*);

1.6. переосмысление буквальных выражений из сакральных текстов (*змея подколодная*).

2. комбинирование идиом из отдельных лексических единиц:

2.1. комбинирование идиом таким образом, что отсутствует прямая связь между семантической и концептуальной структурой (*тянуть kota за хвост*, бел. *пайсці да Пясоцага*);

2.2. комбинирование идиом таким образом, что хотя бы один компонент семантически связан с актуальным содержанием идиомы (*сесть на иглу, язык проглотить*);

2.3. комбинирование идиом как отрицания типичной ситуации (*мухи не обидит*);

2.4. калькирование готовой идиомы (*сойти со сцены* (из англ.));

2.5. расширение образного предиката до несколькихсловной идиомы (*намолоть с три короба, молоть вздор < молоть 'говорить чепуху'*);

2.6. комбинирование идиом на основе звукового сходства компонента идиомы и того слова, которое передает ее смысл (*завтраками кормить* связано с *приходите завтра*);

2.7. образование идиомы путем трансформации плана содержания / плана выражения другого фразеологизма:

2.7.1. ироническое переосмысление (*скатертью дорога*),

2.7.2. редукция (*погонять и в хвост и в гриву и в хвост и в гриву*),

2.7.3. метафоризация (*подвести под монастырь* 1 'заставить нищенствовать' ® *подвести под монастырь* 2 'поставить в затруднительное положение');

2.7.4. введение во фразему нового компонента (*разбить в прах разбить в пух и прах*) или комбинирование идиом (*влипнуть в историю < попасть в историю + влипнуть, как муха в мед*),

2.7.5. редукция паремии (*собака на сене*) или выделение из паремии наиболее релевантных компонентов и их переосмысление (паремия *Свой ум — царь в голове* > идиома *без царя в голове* 'глупый');

2.7.6. «свертывание» фольклорного текста (*наступать на грабли, тришкин кафтан*).

Таким образом, раздел «Основные механизмы идиообразования» — сжатый итог первой части монографии.

Все разделы второй части книги *Фразеология в культурном пространстве восточных славян* (с. 126–365) построены по одному принципу: история фразеологизма, культурный контекст его возникновения и употребления, интерпретация фактического лингвокультурного материала.

Например, на с. 130 и след. тонко и тщательно анализируется происхождение фраземы с затемненной мотивировкой *подвести под монастырь*. Далее рассматриваются способы обозначения нищенства на Украине и в украинском языке и система взглядов на нищенство. Аналогичным образом анализ происхождения и культурного контекста сакральных фразеологизмов типа *туда и дорога, провалиться ко всем чертям* приводит к подробному исследованию и описанию мифопоэтических представлений, связанных с верхом и низом (верхним и нижним миром), «тем светом», смертью, нечистой силой.

В симметрично построенных и потому легко воспринимаемых разделах представлена цепь культурно-языковых наблюдений и рассуждений, где одна мысль-интерпретация влечет за собой другую, другая — третью. Очевидно, что Маргарита Жуйкова живет в материале, полностью в него погружена. Например, исследование ряда фразеологизмов, в которых упоминаются волк и собака, закономерно приводит к выводу об амбивалентной роли волка и собаки в мифопоэтическом сознании и далее — к двойственному, противоречивому характеру большинства важнейших этнокультурных персонажей и явлений (см. магический круг — и для обмана, и для защиты).

В отдельных случаях частные историко-лингвистические рассуждения автора представляются не совсем убедительными. На с. 251 упоминается *обой-*

духа — лексема, связанная, по мысли автора, с семантикой обмана. Однако есть еще и *пройдоха*, т.е. семантика лексемы может быть связана и с идеей самого удачного, самого успешного «обхождения, опережения» всех. Это еще раз наводит на известную мысль о множественности этимологий и о неизбежной волюнтарности интерпретаций: автор, или поколение, или ученое сообщество из ряда сосуществующих идей всегда выбирает наиболее удобное, подходящее, соответствующее стилю, идеям, выдвигаемым концепциям.

Маргарита Жуйкова касается не только этнокультурных или лексико-семантических характеристик фразеологизмов, но и грамматических. Например, при анализе происхождения фразеологизмов полноценно рассматривается глагольное управление и его трансформация. Современному управлению фраземы *собаку свел в чем* (развившемуся по аналогии с *опытный, знающий в чем, быть мастером в чем*) предшествовало управление *собаку свел на что* с целевым значением (хотя доказательства верности такого рассуждения не приводятся), и это привело к развитию у идиомы значения ‘опытный, знающий’.

Казалось бы, разделы разрозненны, но каждый из фразеологизмов (или групп фразеологизмов) связан со значительным фрагментом мифопоэтической картины мира, и в итоге мозаика фрагментов складывается в целостное представление этой картины. И содержание второй части книги, и ее композиция подтверждает связь языка и культуры, имплицитную представленность мифопоэтической картины мира во фразеологии; о том же пишет и сама автор (см. с. 216).

Монография посвящена фразеологии, но она вся пронизана культурным контекстом и в первой — исторической, и во второй — этнолингвистической — части. Однако части 1 и 2 книги все же представляются разрозненными, разнотемными, хотя и посвященными двум

важнейшим аспектам фразеологии.

С. 366–368 — итоговое заключение книги. Автор отмечает, что в работе использованы источники трех типов: языковые (текстовые и словарные), фольклорные, этнографические. Библиография по теме неохватна, в рецензируемой монографии радуется в первую очередь обширный список источников (что необходимо в работах такого плана и вызывает должное уважение). Тем не менее хотелось бы назвать некоторые важные исследования, в частности работы Н.Б. Мечковской, которая в последние годы активно занимается фразеологией, например: Мечковская Н.Б., *Национально-культурные оппозиции в ментальности белорусов (на материале белорусских паремий и фразеологизмов с этимолингвонимами и топонимами)* // Встречи этнических культур в зеркале языка (в сопоставительном лингвокультурном аспекте). М.: Наука, 2002. С. 215–229.

В заключении автор отмечает, что фразеологизмы — знаки культуры, манифестанты архаичных форм сознания. На с. 366, в частности, говорится, что фразеология манифестирует сознание, отличное от современного. Эта мысль представляется не совсем точной: наше сознание органично содержит в имплицитном, свернутом виде мифопоэтические пласты, и противопоставлять два этих типа сознания вряд ли верно.

Там же, в заключении М. В. Жуйкова пишет: „Третий вывод касается характера действия тех закономерностей,

которые приводят к образованию новых фразем. Эти закономерности действуют нежестко, недетерминировано, а это означает, что мы не можем с какой-либо мерой вероятности прогнозировать появление той или иной идиомы, даже если известны те концептуальные лакуны, которые могли бы быть заполнены номинативными единицами фразеологического уровня [?] языка” (с. 368). С таким выводом трудно согласиться. Известно, что язык — система нежесткая, вероятностная, однако это не значит, что в ее развитии отсутствуют и не могут быть найдены закономерности. Закономерности есть, однако они, как и все в языке, носят статистический характер, и задача исследователя — разработать модель, адекватную описанию закономерностей именно такого рода.

Нет сомнения в том, что вышедшая из печати книга Маргариты Васильевны Жуйковой «Динамические процессы во фразеологической системе восточнославянских языков» — существенный вклад и в лингвокультурологию, и во фразеологию. Помимо собственно научных целей, монография может использоваться и в преподавании: в рамках лекций по общему языкознанию, по славистике, в научных спецкурсах и спецсеминарах: в ней обилие интереснейшего материала, тонких наблюдений, богатых интерпретаций. Книга будет востребована и молодыми, и маститыми лингвистами, а также теми, кто интересуется судьбами фразеологизмов в восточнославянских языках.